

Диалог

ПЕРВАЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКАЯ ГАЗЕТА

Друзья по лагерю беженцев.
Кем стали они через 20 лет
стр. 3

Исповедь Сноудена.
Захочет ли Германия
его принять? стр. 8

Октябрь 2019

№4 (12)

Во что выродилась «Альтернатива для Германии».
Опыт политической анатомии

стр. 4

Парламент накатил на «Немецкую волну».
Россия в поиске врагов

стр. 4

Конфликт надолго.
Чем может закончиться война в Донбассе

стр. 5

Немцы соскучились по «ТВ-Тотал».
О немецком телевидении и его звезде Штефане Раабе

стр. 16

ИСПОЛНЯЕТСЯ 30 ЛЕТ ПАДЕНИЮ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ КАК ЭТО БЫЛО? ЧТО ТЕПЕРЬ РАЗДЕЛЯЕТ ГЕРМАНИЮ? СТР. 9-12

ИСТОРИЯ

Хроника падения

После победы во Второй мировой войне СССР, США, Великобритания и Франция поделили Берлин на четыре оккупационные зоны. Восточная зона, занятая советскими войсками, впоследствии стала столицей Германской Демократической Республики, а на территориях, подконтрольных странам-союзникам, был образован Западный Берлин.

Граница между двумя государствами была относительно открытой — до 1961 года ГДР покинули 2,7 млн человек. Для предотвращения экономических потерь и из-за обострения политической обстановки Совет министров ГДР по рекомендации Организации Варшавского договора принял постановление о закрытии границы. 13 августа 1961 года были построены временные

заграждения, а 18 августа началось возведение бетонной стены. За время своего существования Берлинская стена перестраивалась четыре раза, ее общая длина достигала 106 км, высота — 3,6 м. Вдоль нее располагались 302 часовые вышки, к охране было привлечено свыше 10 тыс. солдат, при этом приказ Минобороны ГДР разрешал погранич-

никам открывать огонь на поражение пытающихся нарушить границу с ФРГ. С 1961 по 1989 год при попытке преодолеть Берлинскую стену погибли от 140 до 192 человек, арестованы свыше 3 тыс., но вместе с тем было совершено 5075 успешных побегов в Западный Берлин и ФРГ. 4 сентября 1989 года под влиянием перестройки и демократиза-

ции в Лейпциге прошла протестная демонстрация с требованиями гражданских свобод и открытия границ. 11 сентября Венгрия открыла границу с Австрией. К 25 сентября 20 тыс. граждан перебрались на Запад через венгерский коридор. 16 октября демонстрация в Лейпциге собрала 120 тыс. человек, через неделю — 320 тыс. Параллельно с этим протес-

ты охватили другие города ГДР, в результате чего руководство правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) ушло в отставку. 4 ноября на главной площади Восточного Берлина Александерплац прошла самая крупная демонстрация, собравшая около 1 млн человек. Чтобы успокоить массы, правительство разработало положение о

въезде и выезде из страны, согласно которому граждане ГДР могли получить визы для посещения Западного Берлина и ФРГ через контрольно-пропускные пункты. 9 ноября 1989 года, выступая на пресс-конференции, транслировавшейся по телевидению, член политбюро ЦК СЕПГ Гюнтер Шабовски огласил новое положение, а на вопрос корреспондента о том, когда новые правила вступят в силу, ответил: «Насколько я знаю — немедленно». Отвечавший упустил тот факт, что положение должно было вступить в силу на следующий день, так как немедленное открытие границ не входило в планы правительства.

Сразу после конференции тысячи граждан направились к пропускным пунктам через Берлинскую стену с требованием их открытия. Под растущим напором толпы пограничники открыли границу, не дожидаясь приказа. Тысячи людей стали перелезать через стену с востока на запад и обратно, в то время как власть бездействовала. Таким образом, в ночь с 9 на 10 ноября «рухнула» Берлинская стена, на протяжении 28 лет являвшаяся символом Холодной войны и разделения мира на два лагеря. Советский Союз, где в разгаре была перестройка, решил не реагировать на эти события. Группе советских войск в Германии было приказано не покидать казармы.

За три дня Западный Берлин посетили более 3 млн человек. 22 декабря открылись для прохода Бранденбургские ворота, через которые была проведена граница, а 22 января 1990 года пограничники ГДР приступили к разбору стены. Сама ГДР перестала существовать 3 октября, войдя вместе с Западным Берлином в состав ФРГ в результате двухсторонних переговоров и заключения Договора об объединении Германии.

ЭКСКЛЮЗИВ

«Не верилось, что это произойдет без кровопролития»

Первое интервью в качестве посла ФРГ в Москве Геза Андреас фон Гайр дал «Д».

Вопросы главе одного из крупнейших в России дипломатических представительств задавал Виктор Лошак.

— Переход на дипломатическую карьеру, и в частности назначение послом в Россию, был для вас ожидаемым?

— Я очень рад, что мне довелось стать послом Германии в России, и, действительно, я приступаю к этой работе с чувством большого уважения, ведь руководство посольством в Москве, совершенно определенно, относится к самым значительным задачам, которые только можно себе представить в германской дипломатии. Когда я только начал учиться в Дипломатической академии, я уж точно не мог представить себе, что моя карьера пойдет по тому пути, по которому она в итоге пошла. Я благодарен всем тем, кто способствовал моему становлению на самых разных постах, проявляя мудрость и терпение, и за ту удачу, которая мне периодически сопутствовала, ведь совсем без нее ничего бы не получилось.

— Есть ли какой-то сигнал в том, что Германия назначила послом в Москву бывшего заместителя министра обороны?

— Мое положение в военном ведомстве не вполне можно сравнить с моим нынешним, но, отвечая на ваш вопрос, скажу: по крайней мере опыт во всем широком спектре политики безопасности с учетом положения в мире на посту посла в Москве явно не повредит.

— С чего вы начали познание России? Что мечтаете увидеть и с кем познакомитесь в первую очередь?

— Страна велика и невероятно многогранна: ее история, ее культура, ее природа. С самого первого дня я с большим интересом смотрю, как люди подходят к общественным реалиям и большим вопросам будущего. Ведь эти вопросы затрагивают нас точно так же, независимо от государственных границ. Я поставил перед собой задачу узнать и понять

это — как в Москве, так и в поездках по стране, в важных переговорах и повседневных встречах.

— Вам, вероятно, близка тема участия Германии в четырехсторонних переговорах в «нормандском формате». Каково, на ваш взгляд, сегодняшнее их состояние? Какими видите следующие шаги?

— Конфликт в Донбассе продолжается пятый год и все еще ежедневно уносит многие человеческие жизни. Многострадальное население ждет, когда наконец этот физический и психический груз спадет с его плеч. Германия по мере сил вместе с Францией старается наметить пути к разрядке и урегулированию ситуации — прежде всего в формате №4, то есть вместе с Россией и Украиной. После продолжительной и пугающей стагнации сейчас, после выборов в Украине, наступил момент, появился шанс, которым необходимо всем вместе воспользоваться. Обе стороны, как Россия, так и Украина, заверяют нас в своем желании найти решение на основе минских со-

глашений. Сейчас мы пытаемся способствовать этому, совершая очень внимательные, скрупулезные и взаимосвязанные шаги на рабочем уровне в соответствии с решениями, принятыми Трехсторонней контактной группой 1 октября, в письменном виде изложив «формулу Штайнмайера». Саммит должен как можно скорее зафиксировать уже достигнутое и увенчаться договоренностями об этапах и целях дальнейших шагов по реализации минских договоренностей. По моим оценкам, это может быть сделано при всеобщем желании добиться конкретно прогресса и готовности проявить друг к другу необходимый минимум политического доверия. Благополучное будущее людей, которых касается этот конфликт, требует одновременного и совместного вложения политического капитала всеми сторонами.

— На днях вы в Краснодаре участвовали в заседании правления «Петербургского диалога». Как вы оцениваете состояние дел в этом са-

мом большом из российско-германских общественных форумов? Что, на ваш свежий взгляд, здесь бы требовалось поменять, исправить?

— Я был очень рад возможности участия на правах гостя в расширенном заседании правления. После всего, что я слышал, в том числе о встрече форума «Петербургского диалога» прошлым летом в Кенигсвинтере, атмосфера снова стала более обнадеживающей. Я могу лишь приветствовать этот факт, ведь в общении по линии гражданского общества бьется пульс взаимоотношений между нашими странами, а лежащая в основе всего симпатия людей в Германии и России в отношении друг друга, которая неизменно велика, зачастую вызывает самые теплые эмоции. На этом основывается «Петербургский диалог» — так, как он задуман, его проекты и его возможности адаптации к меняющейся ситуации. Ведь уже имеются идеи насчет того, как, например, создать возможность еще более активного участия молодого поколения, в руках которого, как мы знаем, наше будущее. Подозреваю, что мы, старшие, были бы удивлены, увидев, насколько близки друг другу сегодня молодые люди в Германии и России — в своих увлечениях, своих целях, своем образе жизни, своих заботах и страхах. Это важная часть нашей реальности в гражданском обществе, диалог может лишь обогатить наш опыт.

— Есть ли уже сегодня у Германии планы участвовать в российских празднованиях, посвященных 75-летию окончания Второй мировой войны?

— Годовщина окончания войны будет знаковой для 2020 года в России, и мы очень хорошо сознаем всю святость этой памяти. Каким образом конкретно Германия будет представлена на торжествах, я в настоящий момент сказать не могу. У нас в Германии в 2020 году тоже во многих местах будут проводиться мероприятия в память о жертвах и неизмеримых страданиях, которые принесли война и пропасть, в которую столкнулось человечество холокостом. При этом будут подчеркиваться готовность к исторической ответственности, глубокая благодарность за примирение и твердая воля к сохранению мира в Европе.

— Интервью с вами публикуется в номере нашей газеты, посвященном 30-летию падения Берлинской стены. А каковы ваши личные воспоминания об этом? Вы думаете, условной стены сегодня уже не существует?

— Конечно, как и почти любой представитель моего поколения, я в те дни практически не мог поверить в то, что происходило в последние месяцы и недели по всей Европе перед фактическим крушением стены: насильственное разделение моей страны, моей столицы, да и всего моего континента, казалось неизбежным, каким бы противоестественным оно ни было. Я восхищаюсь мужеством людей в Польше, Венгрии, в прибалтийских государствах и во многих других местах, чья мудрость, настойчивость и непоколебимость подготовили путь к этому. Пусть и чувствовалось, что это приближается, но в то же время не верилось, что это произойдет без кровопролития. Момент радости, когда люди бросились в объятия друг друга у стены, я наблюдал в Мюнхене. Это было колоссально, незабываемо, осталось в душе навсегда. Кстати, и тогда всем было понятно, что Германия получила возможность пережить этот счастливый момент своей истории благодаря нашим соседям, друзьям и союзникам, в том числе благодаря Советскому Союзу, который решил не вмешиваться.

Существовавшая тогда стена исчезла в общем-то и в головах, ведь сегодня вопросы внутреннего развития Германии формулируются совершенно иначе, в том числе перед лицом совершенно новых обстоятельств, например в свете самых разных последствий нашей глобализованной экономики.

— Известно, что ваша резиденция на Поварской в ремонте. Где вы живете в Москве или собираетесь жить?

— Резиденция посла Германии, где я пока живу, представляет собой прекрасное здание, в котором в ближайшее время необходимо произвести капитальный ремонт, чтобы оно сохранилось для нас на многие десятилетия. Когда все будет готово, я перееду в другую, временную резиденцию неподалеку, которая, конечно, тоже будет излучать атмосферу, соответствующую уровню германо-российских встреч в Москве. Надеюсь, что моя семья будет часто навещать меня — как в старой резиденции, так и в новой.

— Когда вы начали работать в России, что вас больше всего здесь поразило? Может быть, обрадовало или огорчило?

— В выходные я часто часами гулял пешком по городу, по многим самым разным кварталам. Впечатления от Москвы многообразны и удивительны!

— Если взглянуть из сегодняшнего дня, чтобы вы считали достойным итогом своей московской командировки?

— То, что я хотел бы увидеть, в меньшей степени зависит от успешной работы посла, чем от цели, которую я, как европеец, связываю с успешным будущим: пусть обстоятельства сложатся так, чтобы германо-российские взаимоотношения смогли развернуть весь свой потенциал.